

Шейпак Светлана Александровна

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЙ ЭТОС

В статье рассматриваются различные подходы к разработке концепции "языковой личности". На основе анализа результатов разработки психолингвистического подхода делается вывод об ограниченности данной концепции, которая может быть преодолена, если, опираясь на риторический подход к исследованию речевого взаимодействия, расширить концепцию "языковой личности". Вместо индивидуальной идентичности субъекта высказывания предметом анализа должен стать его речевой образ - дискурсивный этос, что позволит учесть взаимную обусловленность при формировании в процессе коммуникации индивидуальной и дискурсивной идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. С. 204-210. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

VLADIMIR CHIVILIKHIN: CREATION AND COLLAPSE OF A MYTH OF A CITY OF CEDAR

Shastina Tat'yana Petrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Gorno-Altai State University
tshliteratura@mail.ru

The article examines the works by V. A. Chivilikhin devoted to the problems of rational use of the resources of cedar taiga in Gorny Altai, semantic nucleus of which is the word "a City of Cedar" invented by the writer. The main idea of the research is as follows: geographic space of Gorny Altai under the skill of Chivilikhin's pen acquired a status of Russian nature conservation topos from which the actual nature conservation movement in the country starts. A City of Cedar is interpreted as a mythonym, a place of romantic dream not relevant for the time being.

Key words and phrases: Chivilikhin; City of Cedar; cedar; wildlife preservation; ecology; myth.

УДК 81-114.4

Филологические науки

В статье рассматриваются различные подходы к разработке концепции «языковой личности». На основе анализа результатов разработки психолингвистического подхода делается вывод об ограниченности данной концепции, которая может быть преодолена, если, опираясь на риторический подход к исследованию речевого взаимодействия, расширить концепцию «языковой личности». Вместо индивидуальной идентичности субъекта высказывания предметом анализа должен стать его речевой образ – дискурсивный этос, что позволит учесть взаимную обусловленность при формировании в процессе коммуникации индивидуальной и дискурсивной идентичности.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; риторика; субъект высказывания; речевое взаимодействие; дискурсивный этос.

Шейпак Светлана Александровна, к. пед. н., доцент
Российский университет дружбы народов
svetlana.sheipak@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЙ ЭТОС®

Языковая личность (ЯЛ), концепция которой в российской лингвистике была предложена Ю. Н. Карауловым как следствие смены парадигм в лингвистике, стала предметом исследований в рамках специально для этого созданной дисциплины – лингвоперсонологии [13]. В дальнейшем начали разрабатываться различные типы ЯЛ: сильная/слабая (Г. Г. Инфантова, О. А. Кадилина), стандартная/нестандартная (В. П. Нерознак), коллективная (А. А. Ворожбитова), типовая (О. Н. Шевченко), модельная личность, лингвокультурный типаж (В. И. Карасик) [10]. Ю. Н. Караулов предложил рассмотреть три возможных подхода к изучению ЯЛ: психолингвистический, предложенный Г. И. Богиним лингводидактический и разрабатываемый В. В. Виноградовым филологический [13, с. 28]. В. И. Карасик добавил к перечисленным социологический и культурологический [12, с. 176]. Однако, несмотря на разнообразие подходов, в отсутствие строгих дефиниций многочисленные исследования давали предложенным типам лишь описательное определение. Разнообразие выявленных типов ЯЛ не позволяло уточнить критерии анализа, которые можно было бы назвать релевантными для разработки общего подхода к исследованию структуры ЯЛ. Так, например, Г. Г. Инфантова, активно разрабатывающая концепт сильной ЯЛ, подчеркивает его недостаточное на современном этапе, научное осмысление, неразработанность его признаков и слабую соотнесенность с другими дискурсивными концептами [11, с. 64]. Но Ю. Н. Караулов считает такую ситуацию нормальной, поскольку данная концепция пока еще находится, в стадии парадигмального становления [14, с. 48].

Цель данной статьи – показать ограниченность **концепции ЯЛ (1)**, которая может быть преодолена, если в рамках междисциплинарного исследования речевого взаимодействия, опираясь на **риторический подход (2)**, расширить концепцию ЯЛ до «**дискурсивного этоса (3)**».

1. Концепция языковой личности

Развивая психолингвистический подход к изучению ЯЛ, Ю. Н. Караулов предлагает рассматривать ее обобщенную и конкретную реализации. В первом случае она рассматривается как способ описания языковой способности индивида, соединяющий системное представление языка с функциональным анализом текстов. А во втором – как носитель языка, характеризуемый, на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка [19, с. 671].

Обобщающий взгляд на ЯЛ вызвал появление различных категорий ЯЛ: коллективная, типовая, абстрактная, совокупная, групповая, которые противопоставляются индивидуальной ЯЛ [10, с. 24-32]. Если первой группе свойственна, по мнению исследователей, безличность, эталонность, собирательность, то возникает противоречие, вытекающее из оппозиции , личность – коллектив. Однако это не помешало разработке концептов национальной языковой личности, этноязыковой личности, этносемантической личности, которая рассматривается как закрепленный в семантической системе естественного языка базовый национально-культурный прототип носителя этого языка [6].

Другим развитием данного подхода стала разработка В. И. Карасиком концепта , лингвокультурный типаж [12, с. 176]. Образ лингвокультурного типажа должен быть узнаваем в определенной культуре, хотя может иметь и положительные, и отрицательные коннотации, что отличает его от модельной личности, которая, напротив, является идеализацией. Модельная личность лишена отрицательных черт и вызывает у представителей этой культуры лишь яркие эмоции. Концепт , лингвокультурный типаж не будет столь эмотивен, но должен быть значим для представителей определенной этнокультуры.

Для анализа ЯЛ, независимо от способа ее реализации, Ю. Н. Караулов предлагает рассматривать ее как трехуровневую структуру. Нулевой уровень, общенациональный, характеризуется устойчивой частью вербально-семантических ассоциаций. На лингвокогнитивном уровне должна быть проанализирована инвариантная часть языковой модели мира или тезаурус ЯЛ. Следующий уровень – высший, мотивационный – на нем выявляются личностные доминанты, жизненные или ситуативные, установки и мотивы, которые находят отражение в содержании и в процессах порождения текстов самой ЯЛ, а также в особенностях ее восприятия чужих текстов [13, с. 43].

Основным методом исследования ЯЛ стал метод социально-речевого портретирования представителей различных социолектов, который позволяет создать усредненные речевые портреты школьника, учителя, студента, переводчика, эмигранта, политического деятеля, государственного служащего, женской ЯЛ, маргинальной ЯЛ (А. А. Ворожбитова (2005), А. В. Юрьева (2002), Н. С. Шаброва (2009), А. Б. Бушев (2010), М. М. Елизарова (1999), Ю. А. Кричун (2011), Т. Б. Соколовская (2002), М. Н. Панова (2004), З. Р. Хачмафова (2011), В. Д. Черняк (1994)). Ряд исследований сосредоточен на выявлении национальной специфики ЯЛ (В. В. Воробьев (1996), Д. Б. Гудков (1999), И. П. Василюк (2004), А. Д. Летова (2004), Т. П. Млечко (2014), А. Б. Недосугова (2003), Н. В. Рапопорт (1999), М. Б. Безрокова (2013)). Еще одним направлением исследований ЯЛ стало изучение особенностей ее поведения в различных коммуникативных ситуациях: профессионального общения, интернет-общения, в ситуации аргументации, в инокультурной среде (И. Р. Абдулмянова (2008), О. А. Леонтович (2000), М. Е. Трубчанинова (2008), Е. В. Беседина (2011)).

В результате в основу описания ЯЛ положен ряд характерных языковых и речевых особенностей, которые обусловлены, по мнению Т. ван Дейка, социальной структурой прагматического контекста коммуникации: социальной ролью участника и социального контекста [9, с. 20]. Так, например, Г. Г. Инфантова отмечает, что характеризовать сильную ЯЛ необходимо с точки зрения ее социальной активности и социального положения [11, с. 65]. А та трехуровневая структура ЯЛ, которую предлагает Ю. Н. Караулов, частично совпадает с внутренней структурой говорящего, а именно его знаниями, мнениями, потребностями, желаниями, предпочтениями, установками, отношениями, эмоциями, чувствами, которую вводит Т. ван Дейк при анализе прагматического контекста коммуникации. Однако структура контекста коммуникации, удобная, как указывает Т. ван Дейк, для анализа его прагматического понимания, является лишь искусственно выделенным фрагментом динамически развивающейся коммуникативной ситуации. Действительное понимание должно диалектически связывать между собой , предыдущий дискурс и интерпретацию каждого последующего высказывания, регулярно воспроизводящиеся в процессе взаимодействия. Относительную динамику в искусственно созданную, и поэтому статическую, модель понимания ван Дейк вносит, дополнив ее самоанализом со стороны слушающего [9, с. 29]. Эта обратная связь, оценка действий говорящего с позиции слушающего, превращает процесс коммуникации во взаимодействие говорящего и слушающего. Самоанализ становится критерием успешности коммуникации и выполняет одновременно функции контроля за текущим этапом взаимодействия и прогнозирования последующих.

Напротив, описание ЯЛ методом социально-речевого портретирования исключает представление о коммуникации как о сложном интерактивном процессе взаимодействия его участников. Так, Л. П. Крысин, применяя данный метод, ссылаясь на Т. М. Николаеву [17, с. 73], подчеркивает, что, с одной стороны, речь идет о социолингвистическом портретировании, а с другой – о выявлении лишь , ярких диагностирующих пятен [16, с. 91] или , штрихов к речевому портрету [Там же]. Таким образом, социально-речевой портрет является результатом анализа выбора на разных языковых уровнях тех вариантов, которые определяют тактику речевого поведения в зависимости от принадлежности говорящего к определенной социальной группе или культурной традиции. Такое описание становится отражением заданной социально обусловленной структуры и исключает из исследования сложные дискурсивные механизмы, позволяющие говорящему представить себя как субъекта [4, с. 296]. Но через действие, осуществляющееся в высказывании, говорящий становится его субъектом. И основанием такой субъективности, по выражению Э. Бенвениста, является фундаментальное свойство языка, лежащее в самом процессе его использования и являющееся единственным объективным свидетельством идентичности субъекта, то свидетельство, которое он дает сам о себе. . Тот есть "ego", – пишет Бенвенист, – кто говорит "ego" [Там же]. Однако в статическом социальном или социолингвистическом портрете, описывающем ЯЛ, говорящий как субъект высказывания отсутствует [5].

Понятие ЯЛ неоднозначно оценивается отечественными лингвистами [15]. Оно искажает сущность коммуникации, указывает В. А. Чудинов, противопоставляя языковой характеристике личности в данной концепции речевую, поскольку, с одной стороны, отмечает он, «безъязыковой личностей не существует. По выражению Э. Бенвениста язык, принадлежит самому определению человека». С другой стороны, В. А. Чудинов отмечает, что личность может быть только речевой и должна быть соотнесена не с языком в полном его объеме, а лишь речью – индивидуальной, возрастной, территориальной, принадлежащей определенному социальному слою. Как и Э. Бенвенист, он предполагает рассматривать человека, говорящего с другим человеком, как субъекта речи, замысла и мысли [25]. Критические замечания в отношении концепции ЯЛ могут быть обоснованы, исходя из утверждения одного из ее создателей Г. И. Богина о том, что ЯЛ – это тот, для кого язык есть речь, участник непосредственного речевого взаимодействия [10]. Сам Богин ограничился лишь лингводидактическим подходом к ее разработке, характеризуя ЯЛ с точки зрения набора ее речевых умений с целью обучения иностранному языку.

Таким образом, в рамках антропоцентрической парадигмы, принятой в современной лингвистике, представляется недостаточным ограничиться теми подходами к рассмотрению ЯЛ как социально детерминированной трехуровневой структуры, которые приняты в отечественной лингвистике, – психолингвистическим, лингвокультурологическим, лингводидактическим. Субъект высказывания, вовлеченный в сложный процесс речевого взаимодействия, не может быть реконструирован лишь на базе языковых средств [13, с. 5], а должен рассматриваться как один из участников данного взаимодействия, чье речевое поведение всегда будет опосредовано другими его участниками и самой коммуникативной ситуацией.

2. Риторический подход к анализу речевого взаимодействия

Уже в работах Бахтинского круга», разработавших новый металингвистический подход к теории высказывания, предполагалось рассматривать человека говорящего как «социального человека», поскольку слово есть выражение и продукт социального взаимодействия трех: говорящего (автора), слушающего (читателя) и того, о ком (или о чем) говорят (героя) [3, с. 75]. Человек говорящий, таким образом, становится участником коммуникативного события как со-бытия субъекта, объекта и адресата высказывания. Как отмечает В. Тюпа, анализируя введенный М. М. Бахтиным термин «металингвистика», металингвистический подход может быть назван в западноевропейской традиции неориторическим, поскольку предполагает существование диалогических отношений между высказываниями, пронизывающих также внутри отдельные высказывания» [21, с. 159]. Под неориторикой понимается возрождение классической античной риторики, предпринятое в 60-е годы XX века Х. Перельманом. Перельман ставил перед собой задачу систематизировать прагматические подходы к аргументации, в основе которых лежат не рациональные, а ценностные и эмоционально окрашенные суждения. Вопрос, на который он стремился дать ответ: как, основываясь на правдоподобном, возможном и вероятном, сформулировать высказывание таким образом, чтобы аудитория была готова его принять [30]?

Как отмечает В. Тюпа, коммуникация, понимаемая Бахтиным как социальное взаимодействие, восходит к риторике Аристотеля, поскольку опирается на трехчастную структуру, введенную в Риторике»: «Речь складывается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)» [1]. Бахтин формулирует свою теорию речевого высказывания, размышляя о речевых жанрах. Он рассматривает речевое высказывание как неотрывное звено в цепи речевого общения. Его конститутивными особенностями становятся активная позиция говорящего, обращенность к адресату, влияние предвосхищаемого ответа, диалогические отклики на предшествующие чужие высказывания, ослабленные следы смены речевых субъектов, избородившие высказывание изнутри [2, с. 206].

Причем Бахтин, как и представители отдельных направлений дискурс-анализа, считал, что личность говорящего нельзя рассматривать вне ее речевой реализации, поскольку она дана не как материальный факт, а как выраженный в речи результат социального общения, социального взаимодействия материальных личностей [3, с. 480]. Размышления о субъекте высказывания, опирающиеся на подход Бахтина, наиболее актуальны для французской школы дискурс-анализа, которая вслед за Бенвенистом рассматривает свойство формировать субъект высказывания как основное свойство языка, разделяя при этом говорящего и субъект высказывания [20]. Если первый существует в реальном мире, то второй рассматривается как категория дискурса, которая конституируется в процессе высказывания.

Взгляд на субъекта акта высказывания как на дискурсивную конструкцию снова возвращает нас к Риторике» Аристотеля, который выделял три способа убеждения, находящихся в распоряжении говорящего, поскольку трехчастна сама структура речевого взаимодействия: первый – *ethos* – зависит от характера говорящего, второй – *pathos* – от настроения слушающего, третий – *logos* – от речи [1]. Причем, по Аристотелю, это не является следствием тех нравственных качеств, которыми обладает говорящий. *Ethos* не является следствием честности говорящего, которая становилась бы лучшим доказательством справедливости его утверждений, но лишь следствием самой речи. То есть аристотелевский этос характеризует не личность говорящего, это не заранее созданный образ говорящего, на который тот опирается в своей речи, а это конструкция, выстраиваемая дискурсивно. Так, понимаемый Аристотелем этос позволил Р. Барту в рассуждениях о классической риторике подчеркнуть возможность для говорящего пренебрежения искренностью [27]. Он должен показать черты характера, цель которых – произвести впечатление на аудиторию. Выстраивая свой образ как означающее, говорящий, по мнению Барта, опирается на механизмы воображаемого. Он становится участником театральной постановки: представляя себя в речи, он как бы одновременно заявляет: я такой, и никакой другой. Однако далее Аристотель уточняет, что этос опирается на три качества говорящего, которые внушают аудитории доверие к нему: разум

(*phronésis*), добродетель (*arété*) и благорасположение (*eunoia*). И говорящему достаточно пренебречь одним из них, чтобы лишиться этого доверия. «Неразумие» не дает ему найти нужных в данной ситуации аргументов, а нравственная несостоятельность и отсутствие благорасположения к собеседнику лишают его речь искренности, позволяя скрывать то, что он действительно думает и знает о предмете речи. Обладание этими качествами, напротив, как уточнял Барт, добавляет к высказыванию имплицитно звучащие в речи призывы: следуйте за моей мыслью (*phronésis*), уважайте меня (*arété*), любите меня (*eunoia*). Выстраивание этоса оказывается, таким образом, имплицитным, поскольку говорящий ничего не сообщает о себе, но лишь о предмете речи.

Из Риторикий часто делают вывод, аналогичный тому, что сделал Барт о допустимости неискренности для аристотелевского оратора. Так, Р. Амосси утверждает, анализируя концепцию этоса у Аристотеля, что его не интересует, совпадает ли впечатление, производимое оратором, с реальностью [26, р. 24]. У Аристотеля речь идет о том, как говорящий должен себя показать в речи, но не о том, кем он должен быть в действительности. Для него, по мнению исследователя, важно лишь, что тот свой образ, который он создает в речи, пускай и искаженный, будет использован для достижения моральных целей. Однако второе качество говорящего – добродетель (*arété*) – не позволяет, как мы видим, ему лукавить и лицемерить.

Образ оратора привлекал к себе внимание и до Аристотеля. Так, Исократ утверждал, что оратор в речи должен опираться на силу, происходящую от его репутации как следствия его добродетельного поведения. Только тогда его искренняя позиция в речи будет достойна доверия слушающих. Речь идет об уважении, которое должно быть заслужено у сограждан. И этос в таком понимании становится результатом всех ранее совершенных поступков. В более поздний период для Цицерона и Квинтилиана красноречие оратора также неотрывно от моральной значимости его позиции [Ibidem, р. 23]. Мы видим, что вопрос о соотношении этоса как дискурсивной конструкции и личной идентичности говорящего стоял уже в античной риторике.

В XX веке понятие этоса получило развитие в исследованиях американского социолога Э. Гофмана. Гофман утверждал, что эффективность наших повседневных взаимодействий с собеседниками зависит от того, каким образом мы себя в них представляем [7, с. 34]. При этом Гофман, в отличие от Аристотеля, не рассматривает лишь те ситуации, в которых собеседника нужно в чем-либо убедить. По его мнению, собеседники всегда представляют себя другим в ходе взаимодействия, будь то произвольным или непроизвольным образом, выстраивая, таким образом, свои идентичности в ходе общения. Так понимаемая идентичность становится динамическим процессом, определяемым заданной ситуацией общения, а не набором предопределенных черт, характеризующих индивида. Этот динамический процесс лишь опосредованным образом затрагивает образ Я, который человек имеет о себе самом, – личную идентичность, а также способ его категоризации в социальном мире – социальную идентичность. Образ говорящего создается как проекция ситуации, в которой он взаимодействует с окружающим миром.

Как и в аристотелевской риторике, в концепции взаимодействия Гофмана разделены исполнитель и исполняемый им персонаж-характер, лицо и личина говорящего. Тем самым Гофман противопоставляет то, кем человек может быть и кем может казаться: Я как образ, складывающийся из мозаики экспрессивных значений всего потока происходящих в ходе контакта событий и Я как своего рода игрок в ритуальной игре, который может вести себя достойно или недостойно, дипломатично или недипломатично в зависимости от оцениваемых им условий ситуаций [8, с. 48]. Гофман приходит к тому же выводу, что и Риторика об этосе говорящего: его нужно рассматривать как результат взаимодействия. Но, по Гофману, он конструируется во взаимодействии ритуально, поскольку любое социальное взаимодействие носит ритуальный характер. Его конвенциональная организация требует от участников тщательного соблюдения ритуального порядка. Не исключая других подходов, Гофман говорит только о ритуальной структуре личности и ограничивается рассмотрением лишь отдельных прагматических аспектов речевого общения.

Более широкого взгляда на конструирование идентичности придерживаются различные направления дискурс-анализа. Следуя традициям Аристотеля, идентичность они считают сконструированной дискурсивно, однако, в отличие от Аристотеля, они отказываются от того, что она выстраивается говорящим субъектом интенционально [18; 22, с. 80]. Так, в ранних работах 60-х годов М. Фуко, так же как и представители американской школы дискурс-анализа, отказывает субъекту высказывания в праве на идентичность. Фуко опровергает унаследованный от Декарта взгляд на субъект дискурса как на внутреннюю индивидуальную идентичность. Субъект должен рассматриваться, утверждает Фуко, в этот период как субъектная позиция, которая может быть занята каждым внутри дискурсивной структуры [23, с. 126]. Но в 80-е годы в работе «Дискурс и истина» Фуко возвращается к индивидуализированному субъекту дискурса через древнегреческое понятие *паррессии* (*parrhesia*). Его интересует, как древние греки понимали самоконструирование индивида в речевых практиках не с целью исследования своего внутреннего Я, а с целью воздействия на собеседника [24, с. 160]. Фуко ставит в этой работе проблему высказывания истины с точки зрения личной идентичности говорящего: кто ее может высказывать? с какой целью? о чем? Фуко возвращается, но совершенно с иных позиций, к вопросу о субъекте высказывания, подчеркивая, что убедить слушающих в истинности утверждаемого может тот, кто является одновременно субъектом утверждения и субъектом утверждаемого – субъектом мнения, которое он высказывает.

Таким образом, мы видим, что независимо от подхода к анализу речевого взаимодействия предполагается, что дискурсивная идентичность говорящего определяется его этосом, является ли он результатом его интенциональной деятельности представления себя другим, результатом непроизвольного самовыражения, выдающего его истинные намерения, или следствием социально-ролевой обусловленности ситуации взаимодействия. Дискурсивный этос создается в любом речевом взаимодействии и определяется не предметом высказывания, но способом его оговаривания.

3. Дискурсивный этос

Проблема взаимоотношений субъекта высказывания и дискурсивного этоса, то есть индивидуальной и дискурсивной идентичности, активно разрабатывается с XIX века во французской лингвистической школе, прочно укорененной в классической античной и схоластической традиции [28, р. 22]. Уже в критике Сен-Бёва Г. Лансоном вставал вопрос о роли биографии автора в критическом прочтении текста его произведения. Р. Барт в Актовой лекции в Коллеже де Франс говорил о неразрывно переплетенных в языке рабстве и власти, повторяя тем самым мысль Монтеня, писавшего: «Моя книга в такой же мере создана мной, в какой я сам создан моей книгой!» [Ibidem, р. 24].

Но независимо от того, как решается проблема интенциональности в создании дискурсивного этоса, неизбежно возникает вопрос о способах его манифестации в созданном им речевом произведении. Решение о том, идет ли речь об анализе речевых стратегий, выбранных говорящим для достижения своих коммуникативных целей, или его этос отражает нормы и ритуалы, закрепленные в социальных практиках и довлеющие через их отражение в социальных представлениях, определяет степень ответственности субъекта высказывания за созданный им дискурсивный этос: является ли он проявлением личной идентичности субъекта или, наоборот, личная идентичность становится дискурсивной конструкцией, социально-обусловленной речевыми практиками.

Однако и в первом, и во втором случае субъект высказывания будет в нем лингвистически выражен, и это языковое его выражение становится предметом анализа, на основе которого будет сделан вывод о его дискурсивной идентичности. Причем это выражение отнюдь не сводится только к рассмотрению эксплицитных отношений, выстроенных на оппозиции местоимений *Я* и *Ты*. Для того чтобы выстроить свой этос, субъект высказывания может вовсе обойтись без местоимения *Я*, ограничиваясь, как отмечал О. Дюкро, паралингвистическими средствами (темп, ритм, интонация), осуществляя отбор лексических средств и аргументов [26, р. 113]. Например, использование аргумента, который в классической риторике назывался «аргументом к скромности» (*argumentum ad verecundiam*), апеллирующего к авторитету говорящего, может внушить слушающим чувство заслуженного к нему уважения. Если же говорящий апеллирует лишь к своим титулам, регалиям и другим признакам социального статуса в ситуации, тогда для слушающих становится очевидным отсутствие у говорящего аргументации по сути обсуждаемого вопроса, что делает его этос крайне уязвимым. В том случае, когда говорящий апеллирует к чьему-либо авторитету, для создания его этоса будет важно, каково отношение его аудитории к этому человеку. Сам выбор персоналий для аргументирования тогда будет следствием системы ценностей говорящего и одновременно ее манифестацией для аудитории, на основе которой и будет сконструирован его этос.

Поскольку результат выбора сам по себе никогда не является нейтральным, любая речевая деятельность, будучи результатом отбора говорящим языковых средств для своего высказывания, всегда субъективна. Попытку классификации языковых средств с точки зрения выражения в них субъекта высказывания и, следовательно, построения его дискурсивного этоса предприняла К. Кербрат-Орекиони [29]. Она проанализировала языковые средства, независимо от уровня языка и их природы, выявляющие в высказывании следы присутствия говорящего и определяющего, таким образом, его субъективность. Она выделяет три основные группы «субъективем», выражающих дейктическую, эмоционально-окрашенную и оценочную субъективность [Ibidem, р. 36].

Анализ присутствия в высказывании его субъекта должен начинаться с определения его эксплицитности (местоимение *Я* и его грамматические варианты) / имплицитности (эмоционально-окрашенная, оценочная, ценностно-ориентированная лексика, модальные конструкции), стилистической и прагматической организации высказывания. Даже в грамматически безличном высказывании имплицитно выраженные маркеры субъективности сохраняют эффект присутствия субъекта в высказывании. То есть отсутствие эксплицитного *Я* в высказывании не является критерием отсутствия в нем субъективного содержания. Персональные, временные и пространственные дейктические элементы, определяя всегда эксплицитным образом место субъекта внутри высказывания, не имеют того индивидуализирующего значения, которым обладают средства имплицитного выражения субъективности. От позиции слушателя не будет зависеть интерпретация дейктических элементов, хотя, не обладая самостоятельным референтным значением вне заданной коммуникативной ситуации, они ее определенным образом задают. Напротив, выбор эмоционально-оценочной и ценностно-ориентированной лексики, модальных конструкций определяется социальными, культурными и идеологическими предпочтениями говорящего и, следовательно, служит для характеристики его дискурсивного этоса именно с этих точек зрения.

Рассмотренные языковые манифестации этоса не принимали в расчет возможности для говорящего, превращая себя в предмет речи, эксплицитно создавать свой этос. В той же ситуации, когда он начинает говорить о самом себе, Д. Менгено предложил различать два этоса: демонстрируемый (*ethos montré*) и «высказанный» (*ethos dit*) [Цит. по: 26, р. 35]. В случае сосуществования в речи двух этосов слушающему предстоит осуществить процедуру их сопоставления. Причем доминирующим всегда будет демонстрируемый этос, и в случае возникающей между этосами несогласованности именно он будет подчеркивать неискренность говорящего в намеренной инсценировке своего *Я* в речи.

В заключение остановимся на еще одном важном моменте в конструировании дискурсивного этоса, который определяется тем, что М. Бахтин называл адресованностью высказывания [3, с. 199]. Отличие предложения от высказывания он видел именно в этой его конститутивной особенности предвосхищения в высказывании его восприятия тем, кому оно адресовано. Концепция слушающего, существующая в момент речи у говорящего, будет лежать в основе языковых выборов, которые он осуществит в существующей коммуникативной ситуации. Природа любого высказывания рассматривается Бахтиным как диалогическая,

поскольку оно обращено слушающему, и эта его обращенность заставляет говорящего учесть при выборе языковых средств его возможные ответы и реакции. Они, как возможные реплики, утверждал Бахтин, уже встроены в исходное высказывание в результате отбора говорящим языковых средств для выражения формальной обращенности: лексическими средствами, морфологическими (соответствующие падежи, местоимения, личные формы глаголов), синтаксическими (различные шаблоны и модификации предложений) [2, с. 206]. Во французской прагматике был даже введен неологизм "énonciataire", чтобы подчеркнуть активное участие слушающего наряду с говорящим ("énonciateur") в процессе высказывания [29, р. 179]. Дискурсивный этос, выраженный в высказывании, непосредственным образом зависит от того, какое представление в момент высказывания говорящий сформировал о своем собеседнике. Если бы высказывание в заданной коммуникативной ситуации было обращено другому, то говорящий иначе выстраивал бы свой этос.

Динамический характер конструирования дискурсивного этоса, рассматриваемого как речевой образ говорящего, определяется тем, как он оценивает прагматический контекст высказывания. Любые изменения в его представлении приведут к изменению, хотя, возможно, и не всегда им осознанному, его дискурсивного этоса. Такая вариативность дискурсивного этоса противоречит концепции ЯЛ, которая основана на анализе речевого поведения говорящего, отражающего лишь его более или менее устойчивые социокультурные характеристики. Если же отказаться от устойчивого характера ЯЛ, принятого в исходной концепции, что представляется необходимым с точки зрения современного взгляда на теорию коммуникации, то ее необходимо расширить до понятия дискурсивного этоса. Смена концепций позволит отказаться от неактуального в современной теории дискурса подхода, в котором индивидуальная идентичность полностью определяет речевую деятельность субъекта, и обратиться к подходу, предполагающему сложную взаимообусловленность индивидуальной и дискурсивной идентичности.

Список литературы

1. **Аристотель.** Риторика. Античные риторики [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/> (дата обращения: 15.12.2014).
2. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159-206.
3. **Бахтин М. М.** Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
4. **Бенвенист Э.** О субъективности в языке // Общая лингвистика. М.: УРСС, 2010. С. 292-300.
5. **Бессонова Е. В., Волохова В. В., Зубкова Я. В.** К вопросу изучения дискурсивного общения: лингвистический аспект // Филологические науки Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. II. С. 32-36.
6. **Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
7. **Гофман И.** Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 304 с.
8. **Гофман Э.** Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смисл, 2009. 319 с.
9. **Дейк Т. А. ван.** Язык, познание, коммуникация. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртене, 2000. 310 с.
10. **Иванцова Е. В.** Языковая личность: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4. С. 24-32.
11. **Инфантова Г. Г.** Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки // Речь. Речевая деятельность. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Таганрог, 2000. С. 63-69.
12. **Карасик В. И.** Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
13. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2004. 264 с.
14. **Караулов Ю. Н.** Структура языковой личности и место художественной литературы в языковом сознании: доклад // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: человек, сознание, коммуникация, Интернет: Международная научная конференция. Варшава, 2012. С. 48-54.
15. **Краев В. Л.** Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. М.: Наука, 1991. 350 с.
16. **Крысин Л. П.** Современный русский интеллигент // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1. С. 90-106.
17. **Николаева Т. М.** Социолингвистический портрет и методы его описания // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции. М., 1991. Часть 2. С. 73-75.
18. **Ракитянская Е. В.** Коммуникативная личность как когнитивный и дискурсивный конструкт // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (44). С. 192-193.
19. **Русский язык:** энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Дрофа, 2008. 703 с.
20. **Серно П.** Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ, Прогресс, 1999. С. 12-53.
21. **Тюпа В.** Металингвистика как новая риторика // Интеллектуальный язык эпохи: история идей, история слов. М.: НЛО, 2011. С. 158-165.
22. **Филлипс Л., Йоргенсен М. В.** Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 354 с.
23. **Фуко М.** Археология знаний. М.: Гуманитарная академия, 2012. 416 с.
24. **Фуко М.** Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 159-262.
25. **Чудинов В. А.** Проблема языкового субъекта [Электронный ресурс]. URL: <http://chudinov.ru/problema-yazykovogo-subekta/> (дата обращения: 15.12.2014).
26. **Amossy R.** La Présentation de soi. Ethos et identité verbale. P.: PUF, 2011. 233 p.
27. **Barthes R.** L'ancienne rhétorique [Aide-mémoire] // Communications. 1970. № 16. P. 172-223.
28. **Bergez D.** L'explication de texte littéraire. P.: HER, 2000. 207 p.
29. **Kerbrat-Orecchioni C.** L'énonciation de la subjectivité dans le langage. P.: Armand Colin, 2009. 267 p.
30. **Perelman Ch.** Rhétoriques. Bruxelles: l'Université de Bruxelles, 2012. 401 p.

LINGUISTIC PERSONALITY AND DISCURSIVE ETHOS

Sheipak Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia
svetlana.sheipak@gmail.com

In the article the various approaches to the development of the conception of “linguistic personality” are considered. On the basis of the analysis of the results of the psycholinguistic approach development the author comes to the conclusion about the limitedness of this conception which can be overcome if the conception of “linguistic personality” is expanded basing on the rhetorical approach to the study of verbal interaction. Instead of individual identity of the subject of statement his speech image – discursive ethos should be the object of the analysis. This will allow taking into account the mutual conditionality in the formation of individual and discursive identity in the process of communication.

Key words and phrases: linguistic personality; rhetoric; subject of statement; verbal interaction; discursive ethos.

УДК 81'22

Филологические науки

В статье подчеркивается комплексная природа экфрасиса с опорой на его основополагающую семиотическую сущность. Определяются проблемные поля экфрасиса и их специфика в соответствии с основными понятиями теории информации: источник = демиург; канал = произведение искусства и/или артефакт; обратная связь = рецепция. Обосновывается статус экфрасиса как многоуровневой системы интерсемиотических трансформаций.

Ключевые слова и фразы: экфрасис; семиотика; теория информации; сообщение; код; знак.

Яровикова Юлия Владимировна, к. филол. н.
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
yuvliar@mail.ru

ЭКФРАСИС В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ®

Интегративный и полипарадигмальный подходы, отражающие одну из основных черт современной научной парадигмы экспансионизм, представляются особо значимыми для всестороннего исследования экфрасиса как комплексного явления, под которым понимается жанр или текст, посвященный описанию произведений искусства (живописи, архитектуры, литературы, музыки и т.п.) и/или артефактов (фотографий, открыток, дизайна, ландшафта и др.). В настоящей статье акцент приходится на частный аспект – семиотическую сущность экфрасиса, основополагающей методологической базой исследования которой служит теория информации.

В своих наиболее общих положениях теория информации раскрывает сущность сообщения, средства передачи этого сообщения, каналы, по которым сообщение проводится, помехи, препятствующие адекватному приему сообщения, обратную связь, указывающую на степень восприятия сообщения и др. [4, с. 14].

Представляется, что в свете теории информации экфрасис характеризуется следующими проблемными полями.

1. Экфрасис как отражение жизненного опыта, внутреннего мира демиурга.

В рамках данного проблемного поля исследуется специфика воплощения авторского замысла, преломленного через экстралингвистические факторы, как-то: социокультурные особенности эпохи, мировоззрение, образ мыслей, чувства автора и др. Применительно к теории информации, источником является человек, в частности, создатель описания того или иного произведения искусства, т.е. собственно экфрасиса. Из всего комплекса философских, нравственных, политических и других проблем и фактов жизни писатель отбирает те, которые он хочет передать. Из этой информации, которую писателю дает его жизненный опыт, он делает определенный отбор, подвергает его компрессии и кодированию [1, с. 38].

2. Экфрасис как знаковая система.

Еще одним важным понятием в теории информации является понятие канала, под которым следует понимать само произведение искусства (картина, статуя, архитектурный ансамбль, музыкальное или литературное сочинение и т.п.).

Превращение мира предметов в мир знаков проявляется на текстовом и метатекстовом (кодирующем) уровнях, когда несловесному тексту приписываются черты словесного [7, с. 194-195]. Так, например, указывается, что пересечение вербального и живописного жанров вполне правомерно: и литературное, и живописное произведения являются, текстами, хоть и построенными из разного типа знаков (вербальных и иконических), но соотносимыми именно как целостные художественные произведения [6].